

УДК 908

DOI: 10.15393/j14.art.2020.144

Статья

Кутьков Николай Петрович
 Независимый исследователь, краевед
 Петрозаводск, Россия;

**Художественные чугунные памятники XVIII и XIX вв.
на Старом Немецком кладбище в Петрозаводске**

Аннотация. Иностранные специалисты внесли значительный вклад в становление и развитие Петрозаводска и его заводов, благодаря которым и появился собственно город. Однако автор обращает внимание на не совсем привычный след, оставленный иностранцами в облике Петрозаводска, ныне абсолютно утраченный. Автор по документальным источникам реконструирует облик и историю создания надгробных памятников на могилах иностранцев на Старом Немецком кладбище. Чугунные памятники иноверческого (первоначально — лютеранского) кладбища, отлитые на Александровском заводе, сохранились только на фотографиях 1930 г. Художественные достоинства лучших из этих монументов позволяют признать их выдающиеся произведениями литейного искусства. В стилистике памятника Гаскойну заметно влияние Петербургского «египетского стиля» в монументальном искусстве конца XVIII в., особенно расцветшим в эпоху «Александровского ампира». Затем «эллинизирующий» египетский стиль во времена историзма и эклектики уступил место мемориальным сооружениям в виде античных жертвеников или высоких колонн в духе классицизма. Приведены фотографии и документы, проливающие свет на историю последних лет существования Старого немецкого кладбища и современного состояния подземных сооружений некрополя в контексте существующей застройки квартала

Ключевые слова: Петрозаводск; Старое Немецкое кладбище; иноземцы; чугунное литье; надгробие; «египетский стиль»; классицизм; литейное искусство; Карл Гаскойн; Адам Армстронг; Александр Фелькнер; Василий Кларк

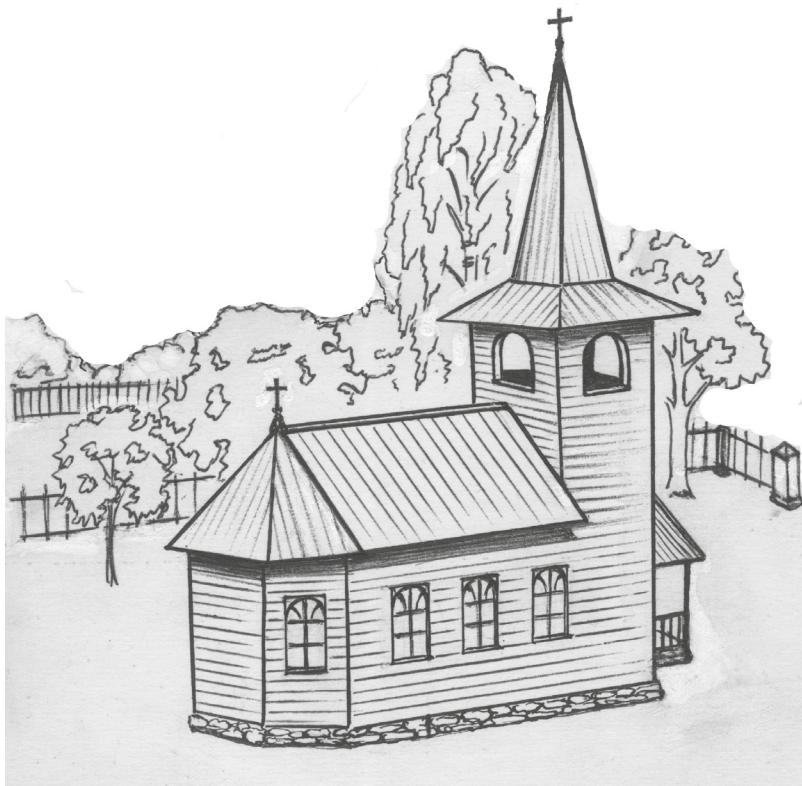
Сколько-нибудь значимых иноземных надгробий начала XVIII в. в Петрозаводске не сохранилось. Показателен случай с кончиной придворного лекаря Петра I британца Роберта Арескина (Эрскина). Когда в ноябре 1718 г. он умер после тяжелой болезни и бесплодных попыток вылечиться на олонецких марциальных водах, комендант Генний предложил похоронить его здесь же в Петрозаводской слободе, «при лютеранской кирке». Петр приказал Геннину сначала произвести вскрытие, дабы установить, от какой болезни умер доктор Арескин и не «дано ль ему какой отравы» [1]. Царь воспретил погребение в за-

холустье, приказав доставить тело Арескина в Петербург. И даже сам шел в похоронной процессии до приготовленного места рядом с могилой своей сестры царевны Натальи в Александро-Невской лавре.

Поэтому мы обратим внимание на памятники Екатерининского века, когда с учреждением Александровского завода в Петрозаводской слободе вновь закипела жизнь. Наша тема — иноверческое кладбище, определенное для иностранцев еще в начале строительства Шуйского (впоследствии Петровского) завода. Одновременно с необходимостью иметь место для погребений саксонцев, голландцев и скандинавов потребовалось поставить и лютеранскую кирку. Её в ту пору посещали не только сам полковник (затем генерал-майор) Геннин и члены его семьи, но также врачи Арескин и Лаврентий Блюментрост, исследовавшие марциальную воду, молотовые мастера француз Яков Бланк, швед Венедикт Бейер, обер-комиссар Виллем Бланкенгаген (судя по имени — голландец), цейхвартер Калк, управитель завода И. Фрейгольд и другие иноземные специалисты. Поэтому в маленьком храме на городской окраине звучали и псалмы на немецком языке и латинские молитвы.

Специалисты из европейских стран, которые работали в слободе Петровских заводов на постоянной основе, подобно русским мастеровым стойко выносили всевозможные лишения, находя в конце концов вечное упокойение в галечно-песчаном кряже на правом берегу Лососинки. Бревенчатый с парусиновой обшивкой «под камень» храм для петрозаводских протестантов и католиков находился на противоположном от городского укрепления берегу, имея нименем среди поселенцев Зарекой. В ту пору это была практически окраина города. Далее к югу вдоль Вытегорского тракта простиралось лиственное мелколесье с заболоченными лугами и ручьями, текущими в Онежское озеро. Через несколько лет завод из слободы перевели в Сестрорецк, иностранцы разъехались, кирка прекратила существование, но иноверческое кладбище осталось. И только спустя полсотни лет, в конце XVIII века рядом с иностранным, которое жители привыкли называть Немецким, очистили от леса площадь — и появилось новое православное кладбище Зарецкое Троицкое по названию кладбищенской церкви. Так вот мирно и соседствовали эти два кладбищенских места в течение 200 с лишним лет. На Зарецком немецком в XIX в. погребены такие местные знаменитости, как горные начальники Гаскойн, Армстронг, Фелькнер, литейный мастер Кларк и члены их семей. Памятники Ч. Гаскойну и В. Кларку были поставлены за счет казны, по личному разрешению императора.

Предполагаемый вид петрозаводской кирки в начале XVIII в.
Реконструкция автора

Француз из Безансона и большая литература о Петрозаводске

В конце века в Петрозаводске появились французы-роялисты, спасавшиеся от революции 1789 г. Они, как правило, были людьми знатными и образованными, поэтому за неимением средств к жизни занимались домашними учителями или гувернерами в дома богатых русских дворян. Поэтому рядом с могилами шотландцев, англичан и немцев, служивших на Александровском заводе, на Старом немецком кладбище в конце XVIII в. стали соседствовать могилы выходцев из Франции.

Примечательная история с надгробием француза-католика, рожденного в г. Безансоне. Это был домашний учитель Олонецкого наместника генерал-губернатора Тутолмина, обучавший его младшего сына Алексея, будущего известного военачальника и благотворителя. Франциск Вильгельмин де Лонсевиль впоследствии послужил прототипом героя знаменитой повести Константина Паустовского «Судьба Шарля Лонсевиля». Правда, де Лонсевиль никогда не носил военного мундира наполеоновских войск, потому что умер в 1792 г.

Как он стал героем повести? Старожилы города показали писателю местную достопримечательность — безвестную могилу дворянина-иноzemца и трогательную стихотворную эпитафию на чугунной плите от безутешной вдовы. После этого творческая фантазия писателя воскресила этого человека, превратив его в романтическую фигуру — пленного офицера-артиллериста Великой армии Наполеона.

Суровый северный климат Петрозаводска, видимо, быстро лишил несчастного Франциска (Франсуа) де Лонсевиля здоровья, а потом и совсем свел его в могилу в феврале 1792 г. Его вдова заказала отлит чугунную плиту с шестистишием французского поэта конца XVIII в. Жана Руше. Его вместе с другом, знаменитым поэтом Андре Шенье, через два года казнили во время якобинского террора. Строку дословно списал Паустовский (французский он знал хорошо):

*Astre des nuits ! Je veux à ton pâle flambeau,
 Oui, je veux m'avancer vers ce sacré tombeau :
 Guide moi... vain espoir que mon coeur se propose!
 Hélas ! Trop loin de moi cette cendre repose...*

*(Звезда ночей, дай мне твой бледный факел:
 Да, я хочу припасть к могиле сей священной;
 Веди меня... Но напрасен жар моего сердца!
 Увы! Слишком далек от меня этот прак...)*

Предварительно, как это было принято в католических странах, эпитафия на петрозаводской могиле де Лонсевиля начиналась на латыни:

*Hic Jacet Franciscus Willminus de Lonceville,
 Natus Bezansoniae. Die X Maii A: D: MDCCLVII
 Moritius Petrozavodski, Die XXVII Februari A.D. MDCCXCII*

*(Здесь покоится Франциск Виллемин де Лонсевиль,
 рожденный в Безансоне 10 мая 1757 г.
 и умерший в Петрозаводске 27 февраля 1792 г.) [9]*

Вот так француз-католик стал героем лучшего, по мнению литературоведов, художественного произведения, посвященного истории Петрозаводска. Паустовскому повезло, что в опасные для всякого инакомыслия тридцатые годы мало кто обратил внимание на его подчеркнуто сочувственное отношение к поэту, гильотинированному как «врага революции».

Надгробие Франциска де Лонсевиля было самым простым — чугунная плита с надписью и литой четырехконечный крест. Таких могил на Старом немецком, судя по фотографии, было множество. Александровский завод постоянно выполнял частные, партикулярные заказы на такие мемориальные сооружения.

«Египетский» памятник масону

Из чугуна был отлит и наиболее примечательный памятник начала XIX в., поставленный самому знатному иноземцу, погребенному в Петрозаводске. В России еще только через несколько лет широко войдет в моду пирамидальный обелиск, ставший сверхпопулярным в Европе после открытия древних памятников Египта, а особенно — после египетской экспедиции Наполеона. Перевести слово «обелиск» с языка изначальных поселенцев дельты Нила можно как «луч», символ бога Солнца. Конечно, еще в Древнем Риме, куда свозили такие «лучи», обелиски уже не связывались с солнечным культом, для римлян они символизировали героику, победу. В России такие обелископодобные памятники и пирамиды распространились после завершения Отечественной войны.

Памятник Ч. Гаскойну.
Старое немецкое кладбище. 1930 г.

Русские архитекторы вслед за своими западноевропейскими коллегами наперебой использовали любые египетские мотивы в строительстве зданий, набережных, мостов и ворот, в интерьерах дворцов. Четырехгранный обелиск и пирамиду в различных вариациях ставили на городских и даже сельских некрополях.

Обелиск Гаскойну — самое первое и остававшееся единственным более чем за 100 последующих лет архитектурное сооружение Петроза-

Бронзовые львы на которых покоятся египетский обелиск. Ватикан. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Vatican_Obelisk_St_Peter%27s_Square.jpg

водска, выполненное в «египетском стиле». Конечно, его композиция чрезвычайно усложнена элементами, напрямую не связанными с Египтом. Это античный фиал, плоская чаша для курений, с пламнем и гирляндой, водруженная на полукруглую вершину монумента, а также растительный орнамент на всех четырех гранях. Границы классической египетской стелы из тесаного камня, как правило, гладкие или с высеченными иероглифами, а остроконечный верх не имеет никаких украшений, чаще всего просто позолочен. Но самая главная особенность, связанная не с древнеегипетскими, а, скорее, с западноевропейскими традициями, — литые изваяния четырех львов, на спинах которых и утвержден сам обелиск.

Интересна история этих чугунных зверей, совсем не похожих на спокойно лежащих бронзовых царей пустыни, на которых, например, покоится привезенный из Египта обелиск на главной площади Ватикана. Петрозаводские львы совсем не такие умиротворенные: по искусствоведческой классификации это так называемые «рассерженные львы». Всем, кто бывал на Круглой (затем Петровской, а ныне пл. Ленина), они хорошо известны. Появились чугунные звери на пушечном Александровском заводе. Известен и автор деревянных форм, по которым были сделаны первые отливки. С известной долей вероятности таковым следует считать совсем молодого скульптора Сергея Николаевича Боровского. Он родился 25.09.1761 г. в семье артиллерийского бомбардира. Воспитанник Академии Художеств с 1767 г. В 1782 г. выпущен с аттестатом второй степени [3: л. 66]. Сразу после окончания Академии он оказался в Петрозаводске, где занимался изготовлением деревянных моделей для художественных отливок и скульптур, а также насечкой гербов на отлитых пушках. В Национальном архиве Карелии имеется следующий документ:

Предложение А. С. Ярицова КОПЗ об отправке в Санкт-Петербург к советнику посольства и члену Главного почтового управления Н. А. Льеву вылитых на Александровском заводе львов.

*«1782 г. 21 сентября От 21-го числа минувшего июля предложил я канцелярии о вылитии и отсылке в Санкт-Петербург к г-ну советнику посольства и Главного почтового управления члену Николаю Александровичу Льеву чугунных 20 львов. Но как оных потребно не более только 14, в которое число уже вылито и отправлено 10, затем долить следует 4. Чего ради предлагаю канцелярии: имеет оная те достальные четыре льва приказать вылить и отправить на попутных судах в Санкт-Петербург в горную экспедицию с показанием цены. А затем достальных шесть не отливать...
 Аникита Ярицов» [6].*

Однако нельзя полностью отождествлять львов Петровской площади с теми, что украшали памятник Гаскойну. На последнем фигуры зверей почти в два раза меньше, зато более приземистые и широкие в кости, то есть лучше приспособлены к новой службе — нести тяжесть высокой чугунной стелы. По первому впечатлению они достаточно схожи с творением Боровского. Но мы не знаем, работал ли Сергей Николаевич у нас в 1807—1809-х гг., когда потребовалось отлить памятник Гаскойну. С октября 1795 г. на Александровском в качестве заводского скульптора числился также Иван Иванович Гофман. Он родился в 1758 г. в г. Данциге и с 1778 г. служил по художественной части на Императорском фарфоровом заводе [3: л. 59].

Один из петрозаводских львов
в Великом Новгороде

Львы Гаскойна вполне могли быть созданы и по его деревянным моделям. Кстати, модель сохранилась в фондах Национального музея Республики Карелии.

Общий же замысел монумента, по всей видимости, принадлежит профессиональному архитектору. Из всех зодчих, плодотворно сотрудничавших с Гаскойном, наиболее вероятна кандидатура Вильяма Гесте. Они вместе с 1803 г. и до самой кончины Гаскойна в 1806 г. перестраивали Ижорский завод, и там В. Гесте научился работать с чугуном как конструкционным материалом. Кроме того, привезший Вильяма в Россию придворный

архитектор Чарльз Камерон, а также Гаскойн и сам Гесте по рождению были британцами. Их небольшое землячество имело одну особенность. Не известно, был ли Гесте масоном (уж очень походит круглое окно на треугольном фронтоне Ижорского завода на масонское «Всевидящее око»!), а вот шотландцы Гаскойн и Камерон были, причем Камерон — масоном очень высокого ранга. Достойно проводить мастера ложи, ушедшего на *Восток вечный* — прямая обязанность братства. Заметим, например, что надгробье А. С. Пушкину, масонство которого было весьма условным (ложа «Овидий» в Кишиневе), украшено христианской символикой, часто встречающейся у масонов. На фасадной стороне мраморного обелиска — бронзовый четырехконечный крест со «Всевидящим оком» и шестиконечная звезда в лавровом венке. По всем признакам, это результат художественно-графических проектов В. А. Жуковского и П. А. Вяземского, активных членов братства вольных каменщиков и ближайших друзей поэта. Жаль, что технические несовершенства снимка памятника Гаскойну не позволяют судить о характере изображения на гранях стелы. Веточки гирлянды могут быть и акациевыми, что есть масонский символ бессмертия, а три петли наверху — кафианским узлом, символом единения всех лож [11].

В масонской мистике и символике главную роль играли египетские атрибуты, в первую очередь, пирамиды и обелиски. Соединение античных элементов с египетскими формами также имеет свою причину. Напоминаем, «египтомания» в России распространялась, в первую очередь, через Италию, поэтому закономерна «эллинизирующая» интерпретация египетского наследия [12]. Так что не приходится удивляться сочетанию египетской формы (обелиск) с античной чашей и львами в монументе Гаскойна.

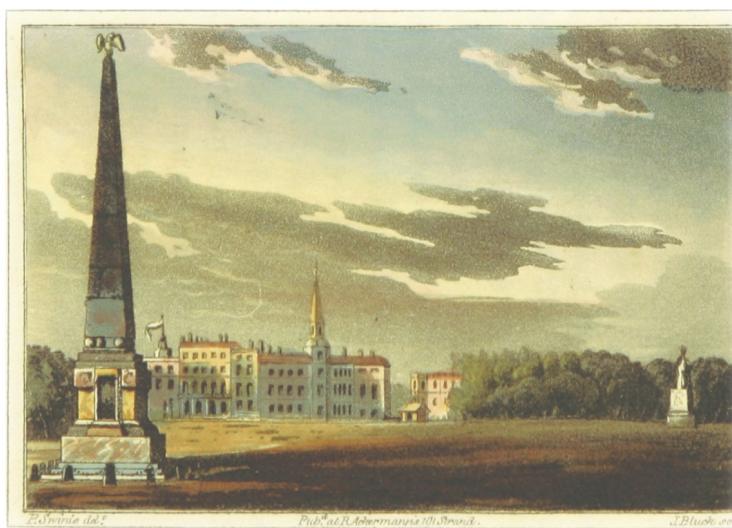
«Рассерженные львы» тоже связались в общественном сознании с искусством страны цезарей. В архитектурных монографиях наши львы, «львы Боровского», стали называться «львами Бренна» по имени итальянского зодчего Винченцо Бренна. Итальянец, бывший в большой дружбе сначала с наследником престола Павлом Петровичем, затем с императором Павлом I, украсил петрозаводскими скульптурами так называемую Итальянскую лестницу в Павловске. Самое главное, Бренна также может считаться одним из родоначальников «египетского стиля» в Российской империи: ему принадлежит создание обелиска «Коннетабль» в Гатчине (1793 г.) и Румянцевского обелиска, сооруженного на Марсовом поле незадолго до смерти Павла I. Интересно, что памятник полководцу Румянцеву выполнен из сердобольского гранита и покоятся

Обелиск над могилой А. С. Пушкина
в Свято-Горском монастыре

на четырех угловых камнях, зрительно отделяющих его от пьедестала из розового тивдийского и серого рускеальского мрамора. Первооткрывателем же «египетских» обелисков для Петербурга следует признать другого итальянца, Антонио Ринальди: Кагульский и Чесменский обелиски были сооружены им еще раньше, в 1770-х годах. Итальянцы первыми из всех европейцев впитали искусство Древнего Египта — в Риме самое богатое собрание артефактов из страны фараонов. А соотечественник Ринальди архитектор Винченцо Бренна лишь продолжил «линейку египетских памятников» северной российской столицы. Петрозаводский обелиск занимает достойное место в этом ряду и может считаться прекрасным провинциальным образцом монумента в «эллинизирующем» египетском стиле.

Винченцо Бренна. Обелиск «Румянцева победам» на Марсовом поле Петербурга. Цветная гравюра 1814 г.

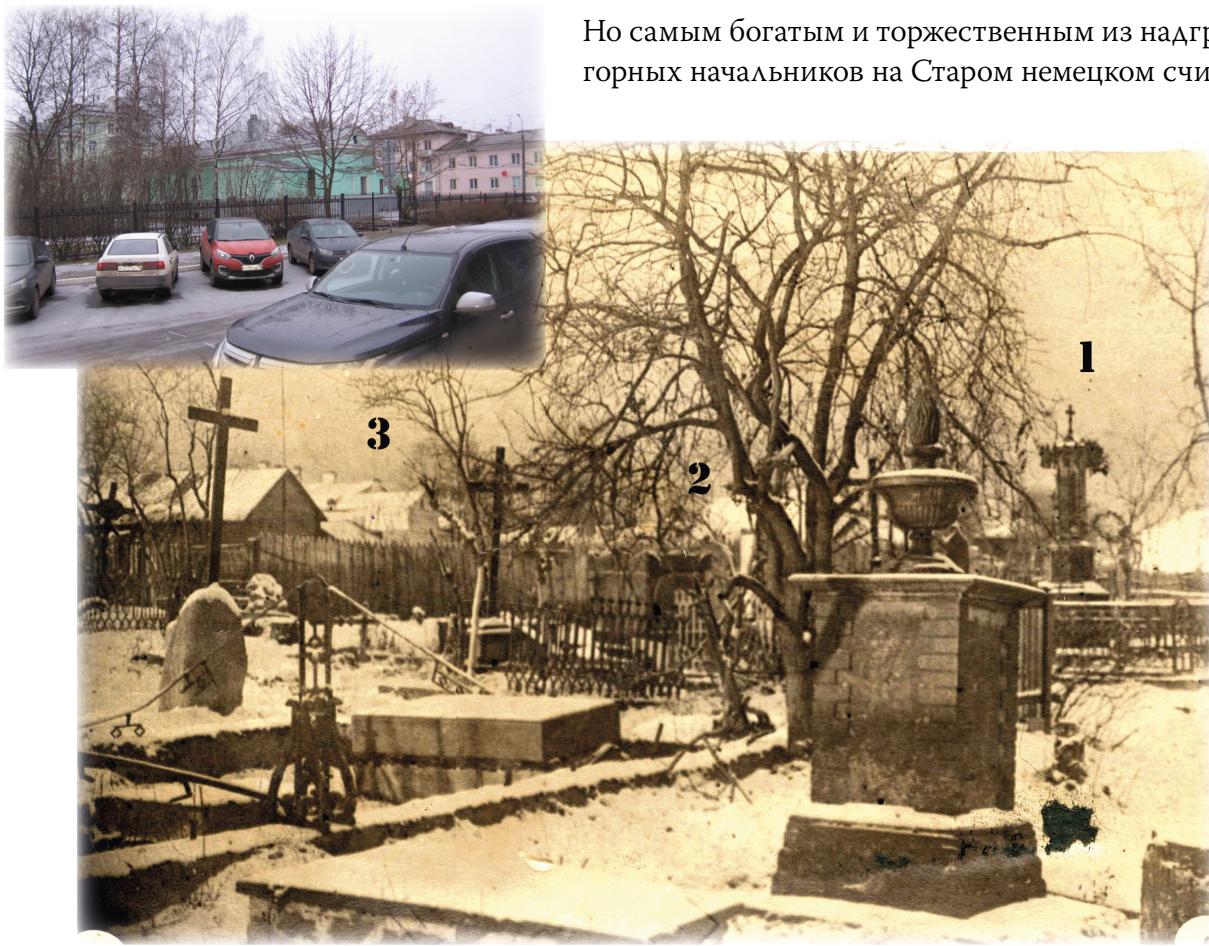
Памятник В. Кларку.
Старое немецкое кладбище. 1930 г.

Надгробие подполковника Василия Кларка, последние 36 лет занимавшего должность управляющего Александровским заводом, было сооружено также за счет казны, по личному повелению императора Николая I. Почтив память умершего в январе 1842 г. В. Кларка, «упрочившего в России пушечное производство, и для поощрения других горнослужащих к столь же полезному служению возвести над его могилою приличный надгробный памятник с употреблением для сего из сумм заводских до 1000 руб. серебром» [4]. В ноябре 1845 г. на Старом немецком над семейным склепом Кларков был поставлен отлитый на заводе квадратный в плане объем. Он совсем не походил на обелиск Гаскойну, который пусть и на частном примере, но все-таки демонстрировал государственную мощь начинавшейся эпохи «Александровского ампира». В 1840-е годы уже не так актуальны были египетско-римские победные стелы, предпочитали основательность, незыблемость архитектурных форм. Как следствие — появление подчеркнуто массивных памятников, которые в разных модификациях существовали и раньше. Жертвенник — классический образец надгробия. Подобный алтарь в античные времена использовался в качестве жертвенного стола для поминальных языческих ритуалов. Но к началу XIX в. он обязательно имел пла-

стические элементы здания — кровлю и акротерионы (акротерии), угловые скульптурные выступы. В данном случае они выполнены в виде пальметт на всех четырех углах, а также в виде барельефа на нижних углах основания. Кровля на памятнике Кларку была крещатой с четырьмя фронтонами, украшенными латинским крестом в окружении дубовых ветвей. На квадратном постаменте в перекрестье кровли возвышался ритуальный античный сосуд, лекиф, с языком пламени. Огненное навершие, как правило, было позолоченным, как и на памятнике Гаскойну. Символическое значение таких светильников утратилось: со временем стилизованное изображение пламени воспринимается как фигурная крышка на сосуде. На одной из граней жертвенника — барельефное (не исключая накладное) изображение скрещенных орудий, осененное сверху гирляндой. Интересно, что именно такие скрещенные пушки до сих пор используются во многих современных армиях как эмблема артиллерии. Только на памятнике Кларку казенные части двух орудий через винограды (кольцеобразные выступы казенника) соединены канатом с кистями на концах. По всей видимости, все грани надгробия имели одинаковые или парные накладные изображения, но судить об этом трудно — на фронтальной стороне барельеф утрачен.

На общем снимке кладбища примерно в его середине виден еще один памятник в виде жертвенного стола, только несколько иной конструкции — увеличен вынос акротерионов, видны дополнительные скульптурные накладки на углах. Вполне возможно, это горельефные изображения головы и торса львов. К сожалению, ветки заслоняют навершие, которое, похоже, не такое лаконичное, как на памятнике Кларку. Это очень интересное надгробие, предположительно, установлено над семейным склепом Армстронгов. Памятник над склепом Адама Васильевича Армстронга, начальника Олонецкого горного округа, скончавшегося 8 ноября 1818 г. [14], наверняка представлял собой очень достойный монумент незаурядному человеку.

Но самым богатым и торжественным из надгробий горных начальников на Старом немецком считался

Общий вид Старого немецкого кладбища в 1930 г. Под цифровой 1 — надгробие Н. Фелькнера, 2 — предполагаемое надгробие А. Армстронга, 3 — дом купца Серого (на врезке современный вид)

монумент Николаю Александровичу Фелькнеру. Он был поставлен родными покойного «на левую сторону от входа, против могилы одного из известнейших горных начальников Олонецких горных заводов — Карла Гаскойна» [13] и представлял собой довольно сложную композицию из чугуна и камня. Истории его сооружения предшествовало возникшее в начале 1880-х скандальное дело о попытке установить памятник на могиле Фелькнера за счет казны. От мастеровых на царское имя поступило вдруг прошение об этом, но вернувшаяся из Петербурга бумага была украшена неожиданной высочайшей резолюцией Александра II. Император согласился увековечить заслуги покойного металлурга и разрешил мастеровым... открыть подпиську на памятник. Автором этого прошения, как потом выяснилось, оказался сын Николая Александровича, А. Н. Фелькнер, который, к сожалению, не походил на своего знаменитого отца ни деловыми, ни моральными качествами. Рабочие-александровцы, конечно же, ни сном ни духом не помышляли о сборе денег на такое дорогостоящее предприятие. Кроме того, дочери и зятья покойного, люди достаточно состоятельные (лесной ревизор Левитский и главный лесничий Маршнер), заявили, что не допустят «столь неблаговидной при таких условиях подписки» [2: л. 17], особенно среди мастеровых, доходы которых резко упали после сокращения военных заказов. В конечном итоге памятник был поставлен за счет семьи и даже без особого участия со стороны сына, который к тому времени за склонность к интригам был вообще переведен отсюда на один из Уральских заводов. Последний факт тоже свидетельствует о прохладном к нему отношении со стороны заводчан.

Памятник, однако, вышел знатный. Он был вытесан из горнового камня, как его называли заводчане, то есть шокшинского порфира, на высокой круглой колонне водружен чугунный крест — четырехконечный латинский с чугунным обрамлением в виде венка из плюща. Плющ символизирует бессмертие, постоянное возрождение жизни. На лицевой стороне — медная позолоченная доска для надписи, на остальных — отдельные медные оксидированные буквы, вделанные в камень. «Вокруг памятника — чугунная решетка образца имеющегося на лютеранском кладбище фамилии Фелькнер» [2: л.14]. Фрагменты решеток с Немецкого кладбища, представляющие художественную ценность, имеются в фондах Национального музея РК. Обрамляли надгробие две пушки, отлитые в 1840 и 1872 годах, отмечавшие год поступления на службу и год окончания работы Николая Александровича на заводе. Подобные памятники в виде знаменитой Александровской колонны на Дворцовой площади в Петербурге, были популярны и во второй половине XIX в. На втором по счету Немецком кладбище Петрозаводска возле Екатерининской церкви (существовало с 1873 по 1893 гг.) тоже стояла невысокая колонна с чугунной копией ангела с «Александрийского столпа».

История сноса кладбища

Зарецкое Старое немецкое кладбище просуществовало в Петрозаводске до 1934 г., когда по решению исполкома были снесены надгробия и место определено под жилую застройку. Жаль, что некрополь лютеран и католиков, а также приверженцев реформатской, англиканской церквей не сохранили до наших дней. Место он занимал небольшое, а для туристов, особенно иностранных гостей нашего города это был бы первостепенный мемориальный объект, свидетельствующий о давних связях Русского Севера с Европой! Самое главное, что постановление Совета народных комиссаров АКССР от 18 марта 1931 г. «О сносе Старого немецкого кладбища» предусматривало государственную охрану хотя бы некоторых объектов:

- «1. Протокол комиссии по охране памятников старины и искусства утвердить.
2. Ликвидированное кладбище с соблюдением существующих положений передать горсовету и Рудметаллторгу.
3. Оставить под охраной памятники, отмеченные комиссией по охране памятников...» [7].

Два памятника (Гаскойну и Кларку), судя по сохранившимся фотографиям, действительно отметили. Благодарить за снимки этих памятников следует начинающего этнографа Александра Михайловича Линевского. Это он, будучи сотрудником музея, еще в 1929 г. по достоинству оценил монументы как произведения искусства и зафиксировал их на пленке. Известно также, что летом 1930 г. он водил экскурсии Ленинградских студентов-этнографов на Старое немецкое.

Надгробия, отмеченные комиссией, стояли под охраной, но... не более двух-трех лет. В 1934 г. никаких памятников на кладбище уже не осталось! Было выполнено решение Президиума Петрозаводского городского совета от 13 мая 1934 г.:

«Комиссия по установке пригодности памятников б. немецкого кладбища на Зареке по пр. Урицкого, д. 37 (во дворе) (СНОСКА: Согласно тогдашней нумерации кирпичный угловой дом купца Серого значился под № 41, а угловой дом со стороны озера — под № 31. Следовательно № 37 находился примерно посередине)... постановила:

1 ...Кладбище ликвидировать.

2. Имущество на кладбище:

а) Два памятника, один из них (памятник Кларку) передать в ведение Кар. Музея как памятник старины, относящийся к истории Онежского завода, обязав Кар. Музей перевезти последний на свою территорию.

б) Другой же памятник, как не имеющий музейного значения, передать ГорФО для зачисления в госфонды, а равно передать в госфонды все имеющиеся на кладбище надгробные плиты и т.п. предметы, состоящие из чугуна и железа для реализации тресту Металлолом.

в) Имеющиеся на кладбище каменные плиты передать П/Отд. Благоустройства для реализации строительным организациям» [8].

В металлолом в конце концов попали все надгробия Старого немецкого. Почему памятники иностранным металлургам постигла такая незавидная участь? С Гаскойном более-менее понятно — в советские времена его значение и роль в истории завода подвергалось радикальному пересмотру, а послевоенные монографии историка Я. А. Балагурова окончательно закрепили мнение о нем. В первую очередь, как о жадном, расчетливом и высокомерном иностранце, не ценившем и даже угнетавшем любые проявления национальной самостоятельности. Для Кларка власти в 1934 г. все-таки сделали исключение — как-никак производственник, литейный мастер, вроде «социально-близкий». Но даже на этот небольшой и даже разрешенный властями практический шаг упомянутый выше «Кар. Музей» тогда не решился: памятник вряд ли успели перевозить к стенам здания, которое сейчас известно как собор Александра Невского. К 1935 г. само руководство музея в лице его директора С. А. Макарьева подвергалось постоянному идеологическому давлению, закончившемуся двумя арестами и неизбежным расстрелом в 1937 г.

Сегодня склепы первых иностранных строителей Петрозаводска — католиков, лютеран и реформатов — находятся частично под жилой застройкой в квартале, ограниченном пр. А. Невского и улицами Волховской, «Правды» и Коммунистов. Историкам и краеведам хотелось бы, пользуясь редкими сохранившимися фотографиями, планами города и архивными документами, представить территорию Старого немецкого применительно к нынешней застройке.

Имеется свидетельство очевидца, который в 1990 г. еще помнил, как выглядело кладбище в начале 1930-х гг. Давний знакомый нашей семьи Георгий Гаврилович Парамошков (1918—2000) без труда опознал фотографии с памятниками Гаскойну и Кларку, но сообщить мог немного: «Кладбище было очень маленьким, вход туда был с Вытегорки, а все памятники сдали в утиль

*Панорама Петрозаводска с немецкого дирижабля LZ-127 "Graf Zeppelin". 1931 г.
Квартал, где расположено Старое немецкое, расположен за православным Троицким кладбищем*

*С более низкой точки, но примерно с такого же ракурса сделано цветное фото
С. М. Прокудина-Горского. 1916 г.*

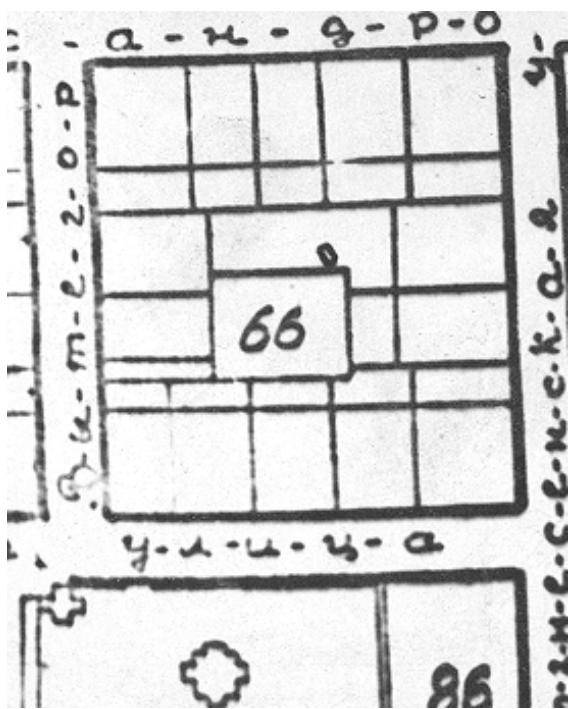

Территория бывшего кладбища в огне. Фото «SA Kuvia». 1 октября 1941 г.

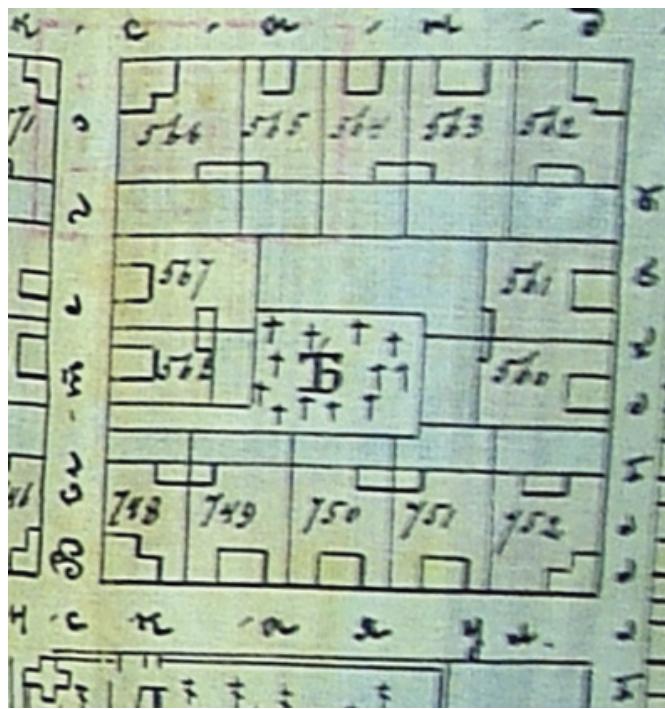

около 1934 г.». Во время написания этой статьи в печати обсуждали возможный план кладбища, и Станислав Гайдук верно «привязал» надгробие Гаскойна к Г-образному дому, находившемуся за оградой некрополя со стороны ул. Коммунистов. Для более достоверной реконструкции не помешали бы точные размеры Старого немецкого. Шаг за шагом можно восстановить утраченный план хотя бы по косвенным документам. Вот, например, один из них.

В 1882 г. возник конфликт Евангелическо-лютеранской церкви с жителями упомянутого квартала. На участок дороги, ведущей к кладбищу, стали претендовать владельцы углового приусадебного места № 748, планировавшие строить там дом для причта Крестовоздвиженской церкви. Вторым претендентом на несколько квадратных сажен был обладатель соседнего участка № 568 по ул. Вытегорской. Этот участок принадлежал наследникам чиновника Шкалина, один из предков которого начинал службу унтершихмейстером на Александровском еще в 1780-х. Оба владельца хотели поделить между собой место «упраздненной» дороги на Старое немецкое. Действительно, кладбище с 1873 г. считалось закрытым, исключение было сделано лишь для вышеупомянутого захоронения Н. А. Фелькнера. Однако потребовалось вмешательство городской думы, не позволившей уничтожить проезд. Её решением была ограничена площадь углового участка по Вытегорской/Кладбищенской, сокращенного до 25 сажен (53,5 м) по обеим сторонам. Дума, конечно, прекрасно ведала, что лютеранам и католикам 10 лет назад был выделен новый участок под кладбище возле Екатерининской церкви. Но, принимая в соображение ценность Старого немецкого из-за нахождения там могил Гаскойна и Кларка, думцы постановили: «Проход должен существовать» [5]. Таким образом, в нашем распоряжении оказались две важных 25-саженных отметки: от угла улиц Вытегорской и Кладбищенской (ныне ул. «Правды» и Волховской). То есть дорога на Старое немецкое начиналась в 54 м от угла, а само кладбище в плане отстояло на таком же расстоянии вдоль этих двух улиц. Что, кстати, совершенно соответствует планам квартала 1887 г. и начала XX в. При наложении отметок этой дороги на современный план получается, что она выведет на торец дома №4а по Волховской. Кроме того, самая информативная фотография 1930 г. свидетель-

Фрагмент плана Петрозаводска 1887 г.
С северной стороны кладбища — часовня
или сторожка

Фрагмент плана Петрозаводска
начала XX в.

М. Круковский. Вид Зареки с южной стороны. 1899 г.
Стрелкой указан вход на Старое немецкое кладбище со стороны ул. Вытегорской

ствует, что забор кладбища со стороны ул. Александровской (пр. Урицкого) идет параллельно упомянутой улице и почти от середины участка № 567. Он как раз соседствует с участком углового кирпичного дома по Вытегорской/Александровской.

Из всех домов, существовавших в квартале с середины XIX в., сохранился лишь этот — кирпичный дом купца Серого № 5/27 на углу нынешних улиц «Правды» и пр. Александра Невского. Сейчас он принадлежит Петрозаводской и Карельской епархии, а земельный участок при нем, по всей видимости, сохранился почти в прежнем виде. Дом благодаря своим значительным размерам и светлой окраске хорошо виден на снимке М. Круковского 1899 г. и на снимке 1931 г. с немецкого дирижабля LZ-127 «Graf Zeppelin». На фото С.М. Прокудина-Горского 1916 г. его, к сожалению, почти целиком заслоняет Крестовоздвиженская церковь. Но зато изображение дома Серого на дальнем плане музейного снимка 1930 г. (с. 23) позволяет достаточно зримо представить себе план кладбища. Ясно, что памятник Гаскойну находился немного левее, а не прямо напротив дороги и ворот в дощатом заборе, а надгробие Фелькнера, выходит, стояло не рядом, а на одной линии с ним, ближе к ул. Александровской. Таким образом, можно утверждать, что семейные склепы Гаскойна и Кларков остались неповрежденными при строительстве домов в середине квартала. А вот Фелькнеровским и окружавшим их захоронениям не повезло. Строители в 1989 г. удивлялись, разрушая кирпичные склепы во время земляных работ на котловане П-образного дома № 46 по ул. Волховской: «Такие прочные были — экскаваторный ковш с трудом брал!». Некоторые помародерничали — собрали «золото» (мундирные пуговицы, эполеты с позолотой), ценность которого оказалась весьма сомнительной. Кстати, формальные обязательства перед наукой строительное начальство выполнило, сообщив музеям и археологам об открытых захоронениях.

Современный вид дома Серого

К месту погребения Гаскойна, которое не затронуто земляными работами, имеется особый интерес. Дело в том, что в семейном склепе Гаскойна похоронен не только сам бывший горный начальник Олонецких заводов. Еще раньше под этими кирпичными сводами в декабре 1795 г. была похоронена его дочь, Мэри (Мария Карловна) Гаскойн-Полторацкая, родная мать А.А. Полторацкого. Александр Александрович — внук Гаскойна и петербургский приятель А.С. Пушкина, блестящий и одновременно вполне ординарный герой своего времени, судьба которого многочисленными нитями причудливо связалась с судьбой великого поэта. Именно А.А.Полторацкому посвящено мое литературно-краеведческое исследование «Онегин с берегов Онего-озера» [10].

Не все загадки старейшего петрозаводского некрополя разгаданы. Например, пока еще не выяснена тайна некоего маленького домика (судя по ориентации восток-запад это могла быть и часовенка) на плане 1887 г. Он обозначен в самом квартале совсем рядом с кладбищем, но с внешней стороны забора, ближе к ул. Александровской. Что это? Можно предположить, что этот домик мог быть сторожкой, каковая существовала и на Новом немецком кладбище, что до 1937 г. находилось на нынешнем пр. 1 Мая. Спустя некоторое время после захоронения Фелькнера и установки памятника над склепом в 1884 г. домик этот еще сохранялся, но потом за ненадобностью был разобран. Со временем и о нем найдутся документальные упоминания.

Список использованных источников и литературы

Источники:

1. Ф. 9. (Разряд IX. Кабинет Петра I и его продолжение — (объединение фондов) Государственного архива Российской империи). Оп. 1. Кн. 11. Л. 100. Д. 216. Л. 251об.
2. НА РК. Ф. 37. (Олонецкое горное правление). Оп. 1. Д. 108/1876.
3. НА РК. Ф. 37. (Олонецкое горное правление). Оп. 5. Д. 38/188.
4. НА РК. Ф. 37. (Олонецкое горное правление). Оп. 13. Д. 8/53. Л. 11.
5. НА РК. Ф. 71. (Петрозаводская городская дума). Оп. 2. Д. 6/136. Л. 119.
6. НА РК. Ф. 445. (Канцелярия Олонецких Петровских заводов). Оп. 1. Д. 329. Л. 349.
7. НА РК. Ф. Р-690. (Совет Министров РК (1922-1994) Оп.6. Д. 3/10 Л. 53.
8. НА РК. Ф. Р-460. (Петрозаводский горсовет (1917-1993) Оп.1 Д. 22/249 Л. 17.

Литература:

9. Каменский В. Карело-Мурманская старина // Карело-Мурманский край. 1930, № 4—5. С. 47.
10. Кутьков Н. П. Онегин с берегов Онего-озера: Литературно-краеведческое исследование [Электронный ресурс]. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ. 2014. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.
11. Масонство в его прошлом и настоящем. М.: Издательство «Задруга» и К. Ф. Некрасова, 1914—1915. Т. 2. С. 95.
12. Солкин В. В., Ларченко В. Н. «Египетский Петербург»: египетские и египтизирующие памятники на берегах Невы // Древний Египет: сб. науч. тр. / Ассоциация по изучению Древнего Египта «МААТ». М., 2005. С. 7—12.
13. Олонецкие губернские ведомости. 1878. № 100. 30 декабря, с. 9.
14. Письмо к издателю из Петрозаводска // Сын Отечества. Ч. 50, 1818. С. 88—90.

Artistic cast-iron monuments of the 18th and the 19th centuries at the Old German Cemetery in Petrozavodsk

Nikolai Kut'kov

Independent Researcher, Local Historian
Petrozavodsk

Abstract:

Foreign specialists made a significant contribution to the formation and development of Petrozavodsk and its factories, thanks to which the city itself was founded. However, the author draws attention to the long-lost and therefore not quite familiar trace left by the foreigners on the appearance of Petrozavodsk. Using documentary sources, the author reconstructs the appearance and creation history of the tombstones on the foreigners' graves at the Old German Cemetery. The cast-iron monuments of the Gentile (originally Lutheran) cemetery, cast at the Aleksandrovsky plant, have survived only in photographs from 1930. The artistic merit of the best of these monuments makes it possible to recognize them as outstanding works of foundry art. In the stylistics of the monument to Gascoigne, the influence of the Petersburg «Egyptian style» is noticeable in the monumental art of the late 18th century, which flourished especially in the era of the «Alexander Empire». Then the «Hellenizing» Egyptian style in the era of historicism and eclecticism gave way to memorial structures in the form of antique altars or tall columns in the spirit of classicism. The photographs and documents shedding light on the history of the last years of the existence of the Old German Cemetery and the current state of the underground structures of the necropolis in the context of the existing development of the quarter.

Key words: Petrozavodsk; The Old German Cemetery; foreigners; iron casting; headstone; Karl Gascoigne; Adam Armstrong; Alexander Felkner; Vasily Clark